СЕРГЕЙ
САМАРОВ

СПЕЦНАЗ ГРУ

Сирийский пленник

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Сирийский пленник

«Эксмо»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Сирийский пленник / С. В. Самаров — «Эксмо», 2020 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-115477-6

Подполковник Виктор Россомахов — ветеран спецназа ГРУ. У него за плечами десятки «горячих» командировок по всему миру. Виктор уже подумывает о заслуженном отдыхе, когда судьба неожиданно забрасывает его в Сирию на должность военного советника. Во время одной из боевых операций Россомахов попадает в плен к моджахедам. Там его пытается завербовать представитель ЦРУ. Но опытному спецназовцу удается перехитрить врагов и бежать. Однако на этом испытания не заканчиваются. По ложному обвинению в предательстве Виктора арестовывает российская военная полиция. Теперь, чтобы найти и наказать клеветников, опальный подполковник должен переиграть своих...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-115477-6

© Самаров С. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 16
Глава 4 22
Глава 5 28
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Сергей Васильевич Самаров
Сирийский пленник

Глава 1

Три контейнера с мусором стояли чуть в стороне от двух четырнадцатиэтажных одноподъездных домов, огороженных с трех сторон бетонными стеновыми плитами. От этих домов к контейнерам тянулись как асфальтированные дорожки, так и простые тропы, проложенные жителями прямо через газон. Женщина в белом махровом халате и в косынке, покрывающей крупные бигуди, шла с двумя черными пакетами в руках как раз по такой тропе, чтобы выбросить мусор. Однако она остановилась, стала дожидаться, когда от контейнеров отойдут трое бомжей, стоявших там, на асфальтированной площадке. Тем более что эти персонажи, кажется, ссорились. Случайно попасть под горячую руку она совсем не желала.

– А ты, старый хрен, откуда здесь взялся? А ну-ка, дуй отсюда, пока ребра тебе не переломали. И не смотри, что у меня штиблеты драные. Я ребра умею и пятками ломать. Большой был когда-то спец по этому делу. Учти, я – бывший футболист, ноги у меня развиты дай бог каждому! Дуй, тебе говорят! – заявил довольно молодой, еще не полностью истощенный питанием на помойках бомж и махнул рукой на конкурента, оказавшегося возле мусорных баков, как на тень, недостойную внимания.

– Погоди-ка, – вступил в разговор второй тип, возрастной, беззубый, как и большинство бомжей.

Он был обладателем всклокоченной бороды, торчащей во все стороны, тогда как у его приятеля она росла, как ей и положено, сверху вниз.

– Пусть сначала сумку свою высыплет на асфальт, – проговорил этот практичный человек. – Он тут, похоже, все наши баки уже переворошил. Все с участка собрал, что можно было. Наше добро присвоил. А я из-за какого-то хмыря оставаться голодным не собираюсь. Высыпай, тебе говорят, не то Гоша сейчас тобой займется! Он у нас в подвале со всеми легко и быстро разбирается. Против него никто, кроме капитана, не устоит.

– А что, Кирилыч, я это запросто! – выдал Гоша, сделал шаг вперед и с силой врезал кулаком в свою же подставленную ладонь.

Прозвучал громкий хлопок, словно кто-то ударил в ладоши.

– Да и капитан, думаю, одобрит, – добавил этот тип. – Он нам всегда говорит, чтобы мы себя в обиду не давали.

– Что, хочешь сказать, что и кулаком тоже бить умеешь, не только пяткой? – с вызовом и явной усмешкой спросил его чужак, обладатель драного и грязного камуфлированного костюма, состоящего из куртки с коротким рукавом и штанов когда-то песочного цвета, а теперь уже давно и прочно темно-бурого. На ногах этот человек носил тяжелые берцы, сейчас почти полностью стоптанные.

– А это я сейчас продемонстрирую, – проговорил молодой бомж, у которого, наверное, чесались руки.

Он шагнул вперед и с размаху попытался ударить наглеца, вторгшегося на чужой участок. Этот самый Гоша, похоже, не привык к сопротивлению или давно уже не сталкивался с ним, поэтому в драку лез с охотой. Но в этот раз его кулак завершил траекторию своего движения раньше, чем парень рассчитывал, и столкнулся не с головой, а с предплечьем противника. Молодой бомж, видимо, умел бить только автоматически, не думая. Поэтому вторая рука Гоши тут же полетела вслед за первой и натолкнулась на такое же препятствие.

Но бомж в камуфлированном костюме не подставлял предплечья, а резко бил ими навстречу кулакам, еще не успевшим полностью сжаться. В результате послышался сильный хруст пальцев обеих рук.

Молодой бомж присел и зажал кисти рук между бедер. Он не сразу ощутил боль, но она все-таки пришла и показалась ему невыносимой. Гоша скривил длинный, широкий рот под неаккуратно сломанным носом и, скорее всего, заплакал бы, если бы умел.

Его возрастной напарник даже не бросил, а просто уронил на землю, разжав кисти, два обшарпанных и рваных пластиковых пакета, которые нес в обеих руках. Он принял классическую боксерскую стойку левши, но тут же, еще до того как успел выбросить переднюю руку, получил удар ногой под правый локоть, прямо в печень. Бомж молча сморщился от боли, сначала рухнул на колени, потом закатил глаза куда-то под лоб так, что видны остались только красноватые белки, и вообще уткнулся лицом в асфальт.

В момент удара ему надо было просто чуть опустить локоть. Но, видимо, реакция с возрастом совсем потерялась, и бомж элементарно не успел сделать то, что от него требовалось. Так бывает с бывшими спортсменами. Они все видят и понимают, однако что-то сделать просто не успевают.

А вот мужчина в камуфляже успел. Хотя возрастом он был значительно старше первого и, кажется, только слегка моложе второго.

Впрочем, внешний вид у всех троих бомжей был такой, что не позволял точно определить возраст ни одного из них. Все трое светились седыми головами, и разницу можно было определить только по количеству морщин на лицах.

– Это что ты мне сделал? – наконец-то сумел спросить Гоша, преодолев боль.

– Элемент вин-чун. А вин-чун – это один из стилей кунг-фу. Я тебе просто пальцы на обеих руках сломал и, думаю, еще и связки порвал, чтобы ты в следующий раз не бросался на старших по возрасту, – спокойно объяснил бомж в камуфляже. – Но это все пустяки, до свадьбы заживет.

– Сломал, похоже, – согласился Гоша. – А с Кирилычем что?

Женщина, которая наблюдала это вот дружеское общение бомжей, вдруг круто развернулась и быстрым шагом, местами переходя на бег, вместе с мусорными пакетами поспешила в сторону своего подъезда.

Человек в камуфляже проводил женщину взглядом, коротко глянул на бородатого старика, трупом валяющегося перед мусорными баками, и спокойно продолжил:

– Дай ему пять-десять минут, он оклемается. Печень у мужика слабая, пьет, наверное, много разной гадости, вот ее и подсадил. Давно, наверное, злоупотребляет. А так ничего серьезного. Хочешь, я рядом с ним и тебя положу?

Человек в камуфлированном костюме даже плечи расправил, показывая свое здоровье. Был он высоким, сухощавым и жилистым, и природная сила в нем ощущалась немалая.

– Не надо! – неожиданно высоко взвизгнул Гоша, а плечи, напротив, опустил, ссутулился. – Я понятливый. Вижу, что ты можешь.

– Да, я и убить могу. Голыми руками. И пятки твои тебе не помогут. Футболист, понимаешь, выискался.

Человек в камуфляже откровенно ворчал себе под нос, но никаких враждебных действий не предпринимал. Он сам по натуре, как показалось Гоше, был не из тех, кто лежачих добивает ногами. Таких садистов всегда можно определить по истеричным и не думающим глазам. У этого мужчины они были спокойными и даже властными. Словно он был когда-то большим начальником, командовал значительным количеством людей, привык повелевать. Авторитет, наверное.

– Ну и убей. Хоть отмучаюсь, – проговорил Гоша и неожиданно успокоился.

Видимо, он просто боялся боли, а на смерть был согласен. Главное, чтобы она была быстрой и легкой.

– Ой как утомила меня такая жизнь.

– А на хрен ты мне нужен? Не хватало только, чтобы я в розыске еще был. У меня и без того проблем хватает. Я по самые уши в них увяз.

– А ты кто вообще такой будешь? Как хоть зовут тебя?

– Кто бы я ни был, это не твоего ума дело. А зовут меня проще простого – Василич. Легкое для запоминания отчество. Запомнил?

– Запомнил. И где ж ты живешь?

– Да где придется. Вчера вот ночевал на заброшенном заводе в трансформаторной будке. Завод давно не работает, бросили его хозяева и рабочих разогнали. А трансформатор до сих пор фурычит, шумит. Но мне он спать не мешал. За завод только обидно. Брошенный всеми, прямо как бомж последний.

– Нормально ты, похоже, устроился. Не хуже, чем у нас в подвале. Там и трубы горячие есть. Когда холодно, всегда согреться можно. Одна беда, когда на первом этаже в унитаз что-то смывают, шум над самой головой стоит. Я всегда просыпаюсь. А так в подвале нормально. Компания подходящая. Выпить всегда кто-то принесет.

– Я не пью.

– То-то у тебя физиономия черная. Мы все не пьем. Только не умываемся. Оттого, как сами говорим, и морды у всех такие негритянские.

– У меня это южный загар. Пустынный.

– Из Средней Азии, что ли, прикатил?

– Слабо у тебя с фантазией. Хуже, чем из Средней Азии. С Ближнего Востока. Там загар хороший. А потом на него еще и горный лег. Он всегда черного цвета. Любого человека в негра превращает.

– Вот это ни хрена себе! Далеко же ты, бомж, забирался. Так ты издалека?

– Нет, я отсюда. – Откуда именно, он уточнять не стал. – Издалека домой вернулся. Только и сам думаю, и тебе советую друга подобрать и шагать отсюда. Видел тетку в белом халате? Она пошла ментов вызывать. Сейчас подъехать могут. Лучше нам убраться подальше.

– И квартира, стало быть, есть, коли вернулся, – не обращая внимания на предупреждение, продолжил расспросы Гоша.

Полиции он, похоже, не сильно опасался, знал, что там с бомжами возиться не любят. Покатают на машине, протокол составят и отпустят. Даже штраф выписывать не будут, потому что как с бомжа его взять?

– Была когда-то квартира.

– И жена.

– Тоже была.

– И дети.

– Дети с первой женой остались. Они про отца уже и вспоминать забыли, думаю.

– Хорошенькое дельце. Настоящая бомжовская история. Теперь ты, значит, стопроцентный бомж. Наш человек. – Парень явно чему-то радовался.

– Я не просто бомж. Я – интербомж. Чтобы в Москву вернуться, мне пришлось три кордона перейти. Пешим ходом, под носом у погранцов. Они обычно дальние рубежи просматривают и берегут, а у себя под носом плохо видят. Я схитрил и прошел. Позавчера еще добрался. Денек отдохнул, отоспался. Теперь, со свежей головой, буду думать, как мне легализоваться. А сделать это надо обязательно. Я не намерен всю жизнь бомжевать. Вдобавок у меня, в отличие от тебя и твоего напарника, и документы есть. Короче, время не теряй, бери своего Кирилыча под руку, пошли отсюда. Менты сейчас подкатят. А мне с ними встречаться пока еще не резон. Боюсь, что рановато.

Василич сам понимал, что слишком много болтал. Но он достаточно много общался с бомжами, перенял их манеру говорить, хвалиться.

Старик Кирилыч тем временем уже начал шевелиться. Человек в камуфляже и Гоша взяли его под руки, подняли и поставили на ноги. После этого они пошли в сторону недалекого бульвара, где на срединной аллее сели на скамейку. Внимания на них никто не обращал. Или же люди делали такой вид. Они проходили мимо и отворачивались. Мол, эка невидаль. Да у нас в Москве этих бомжей пруд пруди.

Глава 2

Гоша звал человека в камуфляже к себе в подвал, в общество. Кирилыч полностью пришел в себя, начал слегка соображать, перестал корчиться, послушал часть разговора между Василичем и Гошей и тоже стал приглашать.

Он оказался человеком беззлобным, прощающим обиды точно так же, как почти всякий бомж по призванию, каковым Кирилыч себя гордо именовал. Он сам сказал, что качественные удары вообще умел ценить, когда-то выступал на любительском уровне. Но Кирилыч звал себя боксером-профессионалом потому, что пару лет проработал тренером по боксу, а потом два года и по кикбоксингу. Пропущенные удары вызывали у старика только уважение. Перенесенная боль и внушала ему самое искреннее уважение.

Свою компанию они оба сильно нахваливали. Еще бы, ведь не в каждом подвале обитает настоящий капитан полиции, пусть и бывший. А у них такой жил! За порядком он следил строго, в подвале мусорить не позволял, участки с мусорными контейнерами делил по справедливости. За что капитана поперли со службы, он никому не рассказывал. Но то, что его выгнали, знали все и категорично утверждали, что за честность, потому что сами видели в нем это качество каждодневно.

– В том, что бывают честные менты, в нашей компании сомневаются все. Если появится вдруг такой, то его быстро с работы выгонят или подведут под статью, – заявил Кирилыч. – Нашего Михалыча пытались, говорят, несколько раз подставить, но не вышло. Тогда просто выгнали. Так народ говорит. А он у нас знающий. За своих все горой встанут. Может, помочь тебе надо будет. Мы готовы. Нам собраться, только штаны подтянуть. У капитана друзья в ментовке остались. Он сам говорил, что в критической ситуации они всегда выручат.

– Нет, братва, я по натуре своей волк-одиночка, – заявил человек в камуфляже, фамилия которого была Россомахов. – В свои дела предпочитаю никого не впутывать. Не посоветую вмешиваться в них никому, кто жизнью хоть на копейку дорожит. А если помощь понадобится, то обращусь к вам.

– Что это у тебя за дела такие? С крутыми парнями сцепиться желаешь?

– Если бы. Крутые мне не страшны. Они чаще только сами себя пугают, других людей жирными рожами устрашить стараются. У меня оппоненты куда серьезнее.

– Ну, судя по тому, как дерешься, ты и сам из таких же.

Василич кивнул и сказал:

– Был из таких. – Он не стал распространяться дальше, хотя и привык уже говорить много. – Ну ладно, пора мне. – Россомахов вытащил из кармана куртки часы без ремешка, невиданную для бомжа роскошь, совершенно ему ненужную, посмотрел на время и добавил: – Да, уже точно надо идти.

Этот человек и без часов прекрасно чувствовал время. Он вытащил их только для того, чтобы подчеркнуть разницу между собой и этими двумя бомжами, предлагающими ему свою помощь. Еще Василич хотел показать, что он – человек, отягощенный заботами, требующими выполнения определенного расписания. А бомжи привыкли считать себя самыми свободными на свете людьми, никогда за временем не наблюдающими.

После чего он встал, забрал свой пакет, кивнул на прощание Кирилычу и Гоше и двинулся по центральной аллее в одному ему известном направлении.

– Ну, где нас найти, ежели что, ты знаешь. Здесь только наши контейнеры. По той стороне улицы. – Кирилыч махнул рукой. – Везде наша территория. В одном месте не застанешь, в другом найдешь. А где дома жилые, мусорники везде стоят.

Свой социальный статус подполковник Россомахов определил сам, назвав себя интербомжом. Большинству людей это было бы непонятно, но сам он и не думал никому рассказывать, почему именовал себя так странно.

Расставшись с простыми бомжами, не носящими приставку «интер», Виктор Васильевич свернул в тот же квартал, где судьба свела его с новыми знакомыми, только сделал это дальше того места, откуда они втроем вышли. Он просто не пожелал никому показывать, какой именно район его интересует. Мало ли что. Подполковник догадывался, что бомжи смотрели ему в спину и обсуждали его как человека со странностями. Вроде бы и бомж, но не совсем бомж. А еще эта странная приставка «интер». Он убедился в этом, когда словно невзначай обернулся перед переходом дороги, вроде бы на фигуристую девушку в мини-юбке посмотрел и даже оценивающе головой покачал.

Дальше Россомахов вышел к остановке общественного транспорта, где люди ждали в одной будке и рядом с ней и троллейбус, и автобус, и трамвай. Короче говоря, народу собралось много. Виктор Васильевич остановился, посмотрел в сторону новых знакомцев, покинутых им, и убедился в том, что они издали за ним наблюдают, хотя, скорее всего, сами не знают, почему и ради чего. Тогда он сделал вид, что собирается дожидаться транспорта, осмотрелся и просто зашел за будку остановки, где тоже стояли люди, курили и там же бросали окурки. Уже оттуда Россомахов перешел на тротуар и продолжил движение вдоль улицы, среди других прохожих, которые в этот час, видимо, уже шли с работы, а на ближайшем повороте свернул во двор. Бомжам со скамейки, скрытой кустами и будкой остановки, его не было видно.

Пройдя через знакомые дворы, Виктор Васильевич оказался перед теми же самыми четырнадцатиэтажными одноподъездными домами-свечками, возвышающимися над этим районом. К мусорным контейнерам он теперь уже не пошел. Россомахов и раньше подходил к ним и в них даже заглядывал только ради маскировки своего рекогносцировочного визита сюда.

Его рекогносцировка оказалась удачной. Женщина в белом махровом халате, которая не стала выбрасывать мусор в контейнер из-за ссоры бомжей, была соседкой Виктора Васильевича по лестничной площадке, женой его сослуживца полковника Личуткина. Она не узнала Россомахова, хотя с момента его отъезда прошло всего восемь с половиной месяцев.

Конечно, он за это время сильно изменился. Угадать в бородатом бомже подполковника, всегда подтянутого и строго следящего за своей внешностью и одеждой, было довольно сложно. Его волосы, некогда короткие, теперь отросли и блестели серебром, которого прежде было почти не видно. Подбородок прикрывала такая же седая борода, уже достаточно длинная и всклокоченная, ни разу не имевшая удовольствия встретиться с расческой. Густой темный загар делал лицо Виктора Васильевича совсем неузнаваемым.

Подполковник Россомахов сел на скамейке за детской площадкой. У своих ног он пристроил пакет, который до этого держал в руках. Тот самый, из-за которого и началась его ссора с двумя бомжами.

Оттуда, со скамейки, ему прекрасно были видны и вход в подъезд, и вся дорожка, которая к нему вела, и даже автомобильная парковка во дворе. Конечно же, разглядел он и машину полиции, которая стояла возле тропинки, идущей к бачкам с мусором. Трое патрульных беседовали с женщиной в белом махровом халате, которая их и вызвала, став свидетелем драки. Один из них что-то записывал в служебный блокнот.

Виктор Васильевич помнил, что эту женщину звали Ларисой Витальевной. Ей было уже за шестьдесят лет, но она всегда сильно молодилась, следила за собой. Зимой подполковник часто встречал эту особу с лыжами, на которых она постоянно бегала в парке.

Сейчас подполковник Россомахов хорошо рассмотрел, как женщина обиженно пожала плечами. Видимо, она услышала упрек со стороны полицейских за напрасный вызов. После чего Лариса Витальевна ушла в подъезд, к счастью, не оборачиваясь. Иначе она обязательно увидела бы Россомахова и могла сообщить ментам о его присутствии во дворе.

Но они уже садились в свой «уазик» с фирменной раскраской. Машина двинулась в сторону улицы, когда кто-то из ментов увидел Виктора Васильевича через стекло. Очевидно, прозвучала команда. «Уазик» тут же перескочил через бордюр, который в силу собственной невеликой высоты никак не мог стать преградой для такой машины, и быстро пересек детскую площадку, где малышей с мамашами, к счастью, не было. Он остановился рядом со скамейкой.

Обычно менты внимания на бомжей не обращают, но в этот раз они это сделали. Наверное, как раз из-за вызова по поводу драки между этими личностями.

Из «уазика» вышли трое сотрудников полиции.

– Чего сидим тут? – спросил верзила-сержант с рябой физиономией.

Но эти рябинки на лице были не последствием оспы. Они только говорили о многочисленных прыщах, которые мент старательно выдавливал.

– Где хочу, там и сижу, – спокойно ответил Россомахов. – Что вы хотели?

– А похож он, кстати, по описанию на того типа, который дрался, – заметил второй мент, младший сержант. – Скорее всего, тот самый и есть.

– Чего сидим? – уже куда более настойчиво и довольно грубо поинтересовался сержант.

– А тебе, сержант, какое дело? Ты свое место знай. Веди себя в соответствии со своим званием.

– Вот это ни хрена себе! – вступил в разговор второй младший сержант. – Совсем бомжи охамели. Развелось их в нашем районе видимо-невидимо.

– Сам ты бомж! – ответил Виктор Васильевич. – Или скоро станешь им. Учти, у меня слово верное. Если скажу что-то, то оно рано или поздно сбывается. Вот и говорю, что станешь ты бомжом, и никуда тебе от этого не деться.

Сержант, конечно же, почувствовал неладное. Обычно бомжи не разговаривают с полицией вот так, с неприкрытым вызовом.

– Кто такой? Документы имеются?

– Подполковник спецназа военной разведки Россомахов, – представился Виктор Васильевич, не вставая со скамейки. – Вернулся из командировки, а дома никого нет. Жду вот, когда жена с работы вернется. – Он вытащил из кармана куртки паспорт и протянул менту.

Сержант посмотрел сначала фамилию, потом сразу перешел на страницу регистрации.

– Извините, товарищ подполковник, – сказал он, козырнул, вернул документы, сделал знак двум младшим сержантам и пошел к машине, даже не поинтересовавшись причиной такого странного обличья подполковника. Словосочетание «военная разведка» всегда действовало на представителей власти однозначно.

– Здесь живет. Прописка стоит, – сообщил коллегам, когда садился на переднее пассажирское сиденье.

Машина сразу двинулась напрямую через детскую площадку в сторону выезда из двора. По дороге она слегка зацепила колесом угол песочницы, но не остановилась из-за такой мелочи, как расщепленная доска. Инцидент был исчерпан.

Однако на выезде «уазик» с трудом избежал столкновения с кроссовером, въезжающим сбоку. Виктор Васильевич увидел, что со службы возвращался полковник Личуткин.

Внутренний и заграничный паспорта, удостоверение личности офицера, водительские документы у Россомахова были. Без них ему пришлось бы гораздо труднее.

Так, недавно на трассе «Дон» он остановил легковую машину, на которой возвращались с отдыха в Крыму муж, жена и малолетний сын-школьник. Подвезти его глава семейства согласился без разговоров, ничего особо не спрашивал у путешественника, странного даже внешне. Потом, когда подполковник Россомахов предъявил этому человеку свое водительское удостоверение, тот разрешил ему даже садиться за руль. Но только по ночам, когда на дороге меньше постов ГИБДД, потому что страховое свидетельство ОСАГО было выписано исключительно на владельца автомобиля. Однажды ночью сотрудники ДПС все же остановили подполковника.

Владелец машины без всяких проблем сумел договориться с ними. Оказалось, что он сам был майором ГИБДД.

По пути Виктор Васильевич почти сдружился с этой семьей. Жалко только было, что она ехала в Тулу, а Россомахову необходимо было добраться до Москвы.

Его подсадил в свой грузовик говорливый молодой парень-дальнобойщик, которому было просто скучно ехать одному. Он сразу попросил пассажира показать документы, первого попавшегося человека с собой не брал. Хорошо, что они у подполковника были в кармане.

Он добыл их, можно сказать, с боем, еще там, в Сирии.

Где-то за городом звучной канонадой грохотала война. Била тяжелая дальнобойная артиллерия сирийской армии, но как-то лениво. Она просто вела выборочный обстрел позиций противника, никак не более.

Должно быть, где-то на высоком месте сидел наблюдатель и передавал артиллеристам координаты точек, по которым следовало наносить удар. Туда снаряды и летели. Потом следовала необходимая коррекция: «Недолет», «Перелет», «Попадание». Обстрел переносился в другое место. Там все повторялось заново.

Координация артиллерийских обстрелов – самое опасное для разведчика мероприятие. Официально должность этого бедолаги называется так: «наводчик на цель – корректировщик огня артиллерии». Этот офицер, как правило, работает один и каждую минуту рискует жизнью.

Противник тоже неглуп. Он всегда старается вычислить места, где может сидеть корректировщик. Они должны быть высокими, с которых хорошо видны все обстреливаемые участки. Другие места, важные, но сейчас не обрабатываемые, могут быть и не заметны. Именно это, последнее обстоятельство и помогает неприятелю вычислить месторасположение наводчика, который часто гибнет.

В последнее время, правда, роль наводчиков стали играть обыкновенные дроны, то есть беспилотные летательные аппараты. Но их пока категорически не хватает для обеспечения всего театра боевых действий. Поэтому люди по-прежнему участвуют в подобных мероприятиях. Надо сказать, что все они обладают большим опытом, потому что работа эта сложная, не каждому по плечу.

Кабинет полковника Личуткина располагался на втором этаже трехэтажного штабного корпуса. Сам полковник сидел за большим и почти шикарным инкрустированным письменным столом, что занимал едва ли не половину помещения. Сирийцы вообще всегда, уже много веков слыли мастерами инкрустации предметов мебели. Они знали, что иностранные специалисты такую отделку ценят и уважают, с гордостью за своих мастеров притащили этот стол из развалин какого-то городского особняка и отремонтировали его специально для русского полковника. Эти добрые люди даже добыли где-то в другом месте толстое органическое стекло, которое теперь покрывало столешницу, чтобы инкрустацию не портили круги от чашек с кофе, который полковник пил регулярно и помногу. Такие следы могли быть оставлены и чем-то иным. Особенно сложно было убирать белые круги от спиртных напитков, которые разъедают лаковое покрытие и изменяют его цвет.

Россомахова привели к Личуткину на второй по счету допрос, заставили сорок минут ждать в коридоре под приглядом двух охранников из российских военных полицейских. Полковнику за время ожидания дважды приносили в кабинет поднос с чашечкой кофе. Видимо, он звонил и заказывал этот напиток.

Россомахов сначала подумал, что в кабинете, кроме самого полковника, есть кто-то еще. Пока этот человек оттуда не выйдет, ему предстоит ждать. Но оказалось, что Личуткин просто работал с бумагами и был в одиночестве. Держал задержанного в коридоре он, скорее всего, умышленно. Возможно, хотел унизить его и в какой-то мере сломать. Сам Россомахов над

такими вариантами воздействия тихо подсмеивался, потому что в своей психической энергетике был уверен.

Когда Виктора Васильевича все же ввели в кабинет, полковник Личуткин старался не смотреть ему в глаза.

– Василий Андреевич, вы себя совсем не по-соседски ведете, – высказался Россомахов.

– Вы, Виктор Васильевич, рассчитываете, что мы будем сидеть в соседних камерах? Простите, но на каком основании? Меня пока привлекать не за что. – Полковник Личуткин был в хорошем расположении духа и даже пытался шутить.

– Я имел в виду, Василий Андреевич, наше с вами московское соседство.

– Скажу честно, Виктор Васильевич, что я только выполняю приказ, собираю и систематизирую данные, чтобы передать их для дальнейшего разбирательства старшему следователю следственного управления ФСБ полковнику Савелкину. У ГРУ, как вам, думаю, хорошо известно, нет собственных следственных органов и соответствующих полномочий. В этот раз ФСБ попросила помочь. Поэтому я и работаю с вашей проблемой, по мере своих сил помогаю полковнику Савелкину. Он, кстати, с минуты на минуту ко мне сюда пожалует. Только что звонил. Именно этим и вызвана, кстати, заминка. Задержался полковник, и вам пришлось его ждать. Вы еще не знакомы с ним?

– Не знакомы, товарищ полковник. К счастью.

– Ну так через несколько минут познакомитесь. Он человек интеллигентный, с ним можно приятно побеседовать на любую интересующую вас тему. Савелкин всегда умеет поддержать разговор о любом предмете, например, книге, театре, почтовых марках. Он много чего знает, но при этом сам очень любит расспрашивать. Сказывается профессия следователя.

Россомахов знал, что полковник Личуткин является страстным коллекционером почтовых марок. Он, видимо, замучил своими разговорами о них старшего следователя ФСБ, как раньше всех сотрудников своего отдела. Арестант предполагал, что полковник Савелкин постарается вести допрос без присутствия Личуткина.

– А пока присаживайтесь. Охрана! Снимите с Виктора Васильевича наручники и подождите, как вам положено, в коридоре, – приказал полковник. – Будет необходимость, я вас вызову.

Сам Виктор Васильевич смотрел при этом в пол. Он, настоящий представитель спецназа военной разведки, еще в предыдущий, первый свой визит в этот кабинет посмотрел на окно и убедился в том, что оно не зарешечено. Второй этаж здесь пусть и высокий, но все же не настолько, чтобы не позволить тренированному человеку спрыгнуть.

Теперь Россомахов, только переступив порог, опять бросил взгляд на окно. Он сразу же увидел, что ничего там за два дня не изменилось. Решетку на окно так никто и не поставил. Военные полицейские не додумались это сделать по той простой причине, что недооценивали уровень подготовки и решительности бывшего комбата спецназа военной разведки или же просто поленились.

Этот факт был только на руку подполковнику и открывал перед ним множество возможностей. Но какие из них следует использовать, ему еще предстояло решить, исходя из обстоятельств.

Охранники в красных беретах едва успели выйти, как в дверь кто-то достаточно громко и бесцеремонно постучал. Не дожидаясь приглашения, раскрыл дверь и вошел в кабинет двухметровый гигант с богатырским размахом плеч. Этот человек был в обыкновенной гражданской одежде.

– А вот и товарищ полковник, – воскликнул Личуткин. – Легки же вы на помине.

– Ну, поминки по мне устраивать, кажется, рановато.

«Обеспечим своевременность», – подумал Россомахов, но вслух, разумеется, ничего не произнес.

Он вообще по натуре своей недолюбливал излишне больших людей, считал их тугодумами и носителями замедленной реакции, хотя и понимал, что это касается далеко не всех.

Полковник ФСБ бросил взгляд на окно, слегка нахмурился и сделал Личуткину выговор таким тоном, словно носил по крайней мере погоны генерал-полковника:

– Я же просил вас поставить на окно крепкую решетку!

– Извините, Николай Валентинович, я просто подумал, что уже завтра встречаться с подполковником Россомаховым вы будете в его камере или в своем кабинете, поскольку я свою миссию завершаю.

– С бывшим подполковником Россомаховым, – поправил его старший следователь с высоты своего роста.

– Никак нет, – твердо и однозначно не согласился Личуткин. – Лишить звания старшего офицера, насколько мне известно, можно только по приговору Военной коллегии Верховного суда России, который рассматривает и утверждает решение гарнизонного или окружного военного суда. До вынесения окончательного приговора Виктор Васильевич остается подполковником спецназа военной разведки.

Теперь Россомахову понравился голос полковника своего ведомства. Личуткин говорил строго, с уважением к заслуженным погонам Виктора Васильевича, а еще больше – к своей собственной службе.

– Да, я слегка поторопил события, – согласился с ним полковник ФСБ, который по возрасту в том же спецназе ГРУ ходил бы еще, пожалуй, в капитанах.

Но в ФСБ звания дают иначе, чем в армии. Там, в своей конторе, он мог бы уже и генералом быть. Есть у них совсем молодые генералы.

– Короче говоря, я решил, что из-за одного дня не стоит обращаться к коменданту здания штаба. Мне в моей повседневности решетка не нужна. А вы следующий допрос будете проводить уже в своем подвале. Что один день может решить?

– Да, – сказал полковник Савелкин. – Наверное, это правильно.

«Смотри-ка! – подумал Виктор Васильевич. – Этого тупого громилу еще и убедить можно».

Вслух он опять ничего не произнес, но прекрасно представлял при этом, как сложно бывает убедить следователя в собственной невиновности, если против тебя хоть что-то есть. А что есть против него, Россомахов не ведал, хотя узнать очень хотел. Если что-то и есть, значит, была проведена мастерская подстава. В этом он не сомневался, но полагал, что этот слон-полковник вряд ли вообще захочет и сумеет в чем-то разобраться.

Говоря честно, подполковник Россомахов не имел никаких причин считать старшего следователя ФСБ тупым человеком, но сказался, видимо, стереотип. Таких вот великанов принято считать недалекими людьми, хотя это утверждение часто бывает неверным.

Обычно при подставе бывает трудно, если вообще возможно найти следы. Можно только мотивацию отыскать, но сама она совершенно ничего не решает.

Полковник Личуткин освободил место за своим столом старшему следователю ФСБ. Тот сначала опустил на органическое стекло довольно толстую папку из искусственной крокодиловой кожи, расстегнул замок-молнию, выложил на стол тонкий прозрачный файл, видимо, с материалами следствия, цифровой диктофон, похожий на авторучку. Только после этого он двумя руками попробовал на прочность тяжелое деревянное кресло. Она его, похоже, вполне удовлетворила. Савелкин уверенно в него сел и даже несколькими довольно продолжительными движениями словно ввинтил собственное объемное седалище в это кресло.

Виктор Васильевич навскидку прикинул вес старшего следователя. У него получилось более чем сто двадцать килограммов.

Для службы в спецназе военной разведки такой человек явно не подходил. Спецназ часто парашютируется на различных учениях и просто на тренировочных занятиях. И с вертолета, и с

самолета. Но обычный парашют рассчитывается на вес около восьмидесяти килограммов. Даже Россомахов со своими восьмидесяти семью постоянно испытывал при приземлении довольно жесткий удар.

Эту тушу можно было сбрасывать только с танковым парашютом, снабженным, как обычно бывает, реактивными тормозами, чтобы танк земной шар насквозь не пробил и не очутился где-нибудь в США. А если там же из-под земли вдруг выскочит боец или офицер спецназа военной разведки, даже кверху ногами, то янки могут принять это за немотивированную агрессию. Чем не причина для начала ядерной войны!

– Я еще нужен или без меня разберетесь? – спросил полковник Личуткин. – А то я в прошлый раз вам не рассказал до конца историю про потерянную немецкую почтовую марку. У меня, кстати, про нее есть совсем новые сведения. Оказывается, та, что на выставках экспонировалась, является подделкой…

– Думаю, вы можете пока отдохнуть. Сходите в буфет, что ли. Если я раньше закончу, то знаю, как охрану вызывать. А потом, как дела завершу, вы мне, если время останется, и про марку расскажете. Хотя насчет свободного времени я сильно сомневаюсь.

– Да, – согласился Василий Андреевич. – Так и сделаем. Кнопка на месте, где и раньше, под столом. Только там сама головка у нее отвалилась. Один болтик торчит. Я, честно говоря, даже не знаю, бьет он током или нет. Нажимать не доводилось. Поэтому нажимайте осторожнее. А я пока на крыльцо выйду, покурю. Здесь, в штабе, порядки завели такие же жесткие, как в России. Даже подымить в кабинете не разрешают. Выходить на крыльцо приходится.

Глава 3

Личуткин взял со стола пачку папирос «Беломорканал». Россомахов думал, что они давно уже не производятся и не продаются. Как и вообще папиросы. Так он, по крайней мере, слышал от знакомцев, но сам никогда не курил и в бытность свою комбатом ввел в батальоне строжайший запрет на это социальное зло. Но там солдат заставляла бросать курить служба. Высокие нагрузки были несовместимы с этой вредной привычкой.

Так уж получилось, что подполковник Россомахов только один раз взглянул в глаза полковнику Савелову и сразу понял, что тот видит в нем врага, предателя. Он будет настаивать на этом, и никакого взаимопонимания между двумя старшими офицерами не получится. К этому требовалось готовиться.

Старший следователь включил свой цифровой диктофон и сказал:

– Производится запись предварительного допроса подполковника спецназа военной разведки Виктора Васильевича Россомахова. Виктор Васильевич, вы не возражаете против того, чтобы допрос записывался на диктофон? Уже завтра я предоставлю вам для ознакомления распечатку с записи с тем, чтобы вы подписали протокол.

– Я не возражаю, товарищ полковник.

– Ну и отлично. Так будет намного удобнее. Давайте начнем. Вы знакомы, Виктор Васильевич, с обвинениями, которые против вас выдвигаются?

– Только отдаленно. Со мной лишь намеками говорили, толком ничего не объясняли. Я думаю, это потому, что вам и вам подобным сказать против меня нечего. Все ваши обвинения – очевидная глупость.

– Тем не менее я думаю, что военный суд рассмотрит обвинения в полном объеме. Более того, я рассчитываю на ваше чистосердечное признание.

– Признание чего?

– Признание своей вины.

– А если я заявлю, что никакой вины за собой не вижу?

– Это ваше право. Но отрицать очевидное не в ваших интересах, товарищ бывший подполковник.

– Я еще не бывший. Не берите на себя функции коллегии военного суда, товарищ полковник. – Россомахов произнес эти слова резко, почти грубо. – Полковник Личуткин уже объяснил вам вашу неправоту в этом вопросе, а я готов заявить о ней во всех других.

– Ну так попытайтесь. Вы же не будете утверждать, что не создавали ударную группу диверсантов на базе дивизии «Силы тигра», не так ли?

– Естественно, не буду. Я создавал эту группу из лучших бойцов-рукопашников по приказу командира дивизии бригадного генерала Сухеля аль-Хасана. Сам с группой занимался, обучал тому, что знал и умел. А это достаточно много. Основу обучения составляли принципы фехтования малой саперной лопаткой. Но это только часть всей системы занятий. Если вам обидно, что вас лично с вашей внушительной комплекцией никто в эту группу не пригласил, то могу объяснить. В ее состав входили только сирийцы. Это во-первых. Там не было ни одного такого гиганта. Это во-вторых. Но любой из тех бойцов, которые вошли в группу, даже самый малоприметный и мелкий, в состоянии вас лично пополам переломить и изуродовать, так, что даже родная жена не узнает.

– Которая из жен? У меня их три уже было, скоро вот и четвертая появится. Меня женщины любят, – ответил на это старший следователь с недоверчивой издевкой.

– Да хоть всех трех вместе собрать, хоть четвертую к ним присоединить, ни одна не узнает.

– И кто же их так обучил? Не вы ли?

– Именно я.

– Я слышал, как в двухтысячном году сборная Венгрии по водному поло выиграла Олимпийские игры в Сиднее, и по традиции, как все делают, сбросила своего тренера в бассейн. А потом парни всей командой спасали его. Оказалось, что тренер не умеет плавать. У вас та же самая история? Вы теоретик.

– Будь я теоретиком, никогда не стал бы комбатом. А я был таковым, причем хорошим. За меня мои солдаты вам, товарищ полковник, зубами горло перегрызли бы. Но им этого и не понадобилось бы. Они были обучены рукопашке не хуже ударной группы сирийского спецназа. Хотя среди сирийцев в ударную группу я принимал только лучших. В свой батальон я никого не отбирал. Солдаты ко мне приходили по призыву. Их готовили командиры взводов и рот, которых обучал я. Своих офицеров тренировал сам, вместо штатного инструктора, которого в батальоне не держал.

– Давайте не будем углубляться в вашу систему подготовки рукопашников. Кажется, как я слышал, генерал Сухель остался вашей работой доволен.

– Мне он то же самое говорил. Лично и при свидетелях.

– Вот теперь давайте вернемся к вашему разговору с генералом Сухелем. Насколько мне известно, он вам запретил участие в боевых действиях.

– Да, первоначально генерал желал сберечь меня для создания нескольких групп по примеру первой. Поэтому он хотел, чтобы я не ходил в атаку на вражеские позиции и не принимал участия в диверсионных операциях.

– Вот именно. Он запретил вам.

Эти слова полковника прозвучали как обвинение. Но если это именно оно и было, то из-за такой мелочи Россомахов просто не угодил бы под стражу.

Однако Виктор Васильевич пошел на принцип, не пожелал уступать даже в такой мелочи и заявил:

– Он только предложил, а не запретил. На что я ответил, что мне следует провести операцию с первой группой, чтобы убедиться в правильности своей системы обучения. Генерал тогда ничего не ответил, повернулся и ушел вместе с сопровождающими. Я принял его молчание за знак согласия, поскольку возражений на мое предложение не последовало.

– Его советники, однако, были другого мнения. Им положено слышать даже то, что не было сказано. Ну да ладно. А дальше что было?

– Дальше я обратился в разведотдел дивизии и попросил разработать для группы задание для проверки ее боеспособности. Но не какое-то учебное, которое проводится в собственных тылах, а настоящее, боевое.

– При этом вы сказали, что генерал Сухель в курсе ваших намерений?

– Так точно. Я же говорил о них генералу, и он не возразил.

– Ладно. И что разведотдел?

– Там была разработана операция по уничтожению бандитского отряда вместе с эмиром.

– Сколько человек было в вашей группе?

– Сорок восемь бойцов. А бандитов, против которых мы шли, было в три раза больше. Однако мы нисколько не сомневались в том, что с заданием справимся.

– Да. В результате вашей атаки живыми вернулись только восемь бойцов, двадцать один погиб, а девятнадцать попали в плен. Хотя потом пятеро из них бежали.

– Шестеро бежали. Я шестой.

– То есть сорок восемь, это вместе с вами?

– Так точно. В плену остались только тринадцать бойцов.

– Пусть так. Что же произошло? Давайте по порядку. С самого начала ваших действий.

– Произошло то, что мы нарвались на предательство. Как иначе можно объяснить, что вместо ста двадцати джихадистов нас поджидали пятьсот отборных бойцов, плюс к тому три

десятка снайперов? Несмотря на это, мы уложили на месте полторы сотни, в ходе рукопашной схватки. Но это было только продолжением предательства. Сначала мы нарвались на минное поле там, где его быть не должно было. В тылах банды, откуда мы на нее и наступали.

– Минные поля, насколько мне известно, занимают всю нейтральную полосу, разделяющую правительственную армию с войсками террористов.

– По замыслу разведотдела штаба дивизии для проведения операции было задействовано двадцать «Змеев Горынычей». Вы, наверное, не знаете, что так мы называем установки разминирования УР-77. Они создают в минных полях коридоры длиной до пятисот метров и шириной до шести.

– Зачем сразу так много? – поинтересовался старший следователь.

– Чтобы противник ждал атаки по всей линии фронта и не знал, где она последует. Но «Змеи Горынычи» работали за сутки до нашей операции. Тогда мы вышли в тылы той банде и проверили подходы. Сзади, с тыла, минного поля не было. А через сутки, когда мы проводили операцию, оно там уже появилось. Хорошо, что мы сразу мины обнаружили. Пришлось нам делать коридор собственными силами. На это ушло больше трех часов, и наступали мы, по сути дела, уже в светлое время суток. Это ли не предательство! А если бы предал, как вы говорите, я, то меня же вполне могли не узнать и подстрелить. Зачем бы я туда пошел?

– Вот-вот. Теперь мы и подошли к самому главному, – заявил старший следователь.

Россомахову даже показалось, что полковник сейчас ладони потрет от нетерпения.

Но он этого не сделал, только вытянул вперед шею, приблизил голову к подполковнику, двумя локтями навалился на большой массивный стол и осведомился:

– Так кто же вашу группу предал?

– Это мог сделать только тот негодяй, который знал все детали операции. Они были известны только мне и офицерам разведотдела сирийской дивизии, которые ее и разрабатывали. Еще нашему консультанту из ГРУ майору Барсученко. Но в Сереже я уверен, он надежный человек, которого я лично знаю уже пару десятков лет. Значит, предал кто-то из офицеров штаба дивизии. Об этом следует поинтересоваться у самого генерала Сухеля. Он обычно врага по запаху определяет.

– Но задача группе была поставлена заранее? Информация была доведена до личного состава?

– Конечно. Мы же еще за сутки до начала самой операции на рекогносцировку выходили.

– Значит, следует рассматривать и другой вариант. Кто-то из вас вашу группу и предал. Не офицеры разведывательного отдела, а бойцы группы. Это можно рассматривать как вариант. Но теперь давайте перейдем к главному. У меня имеются показания тех бойцов вашей группы, которые бежали из плена. Они говорят, что боевики содержали вас в отдельной камере и выводили на прогулку одного. Да и кормили вас, как сказали те же бойцы, особо, не как всех остальных. С чего бы это такие льготы? Можете вы мне это объяснить?

Россомахов в ответ только плечами пожал и сказал:

– Могу только предположить.

– И что же вы предполагаете?

– Я предполагаю только два варианта. Первый таков: ко мне, российскому офицеру, боевики относились особо потому, что желали завербовать. Второй: меня таким вот образом подставляли, а кого-то прикрывали, защищали от подозрений.

– Я бы вам поверил, если бы не одно маленькое «но».

– Какое именно? – почти с презрением спросил Россомахов.

– Вы же не будете отрицать, что оставили в штабе, когда уходили на операцию, свои документы?

– Не буду, конечно. Это обязательно при проведении любой диверсионной операции. Вы должны это отлично знать, потому что само мероприятие, проводимое нами после разработки

в разведотделе дивизии, утверждалось именно вашим ведомством как куратором. Да, согласно разработанному плану, я собрал в группе все документы и телефоны сотовой связи, сложил в мешок, который дежурный по разведотделу опечатал своей печатью. Я сдал его в разведотдел штаба дивизии на временное хранение. Так полагается делать всегда, если вы этого, товарищ полковник, не знали.

Полковник Савелкин притянул к себе свою папочку из искусственной крокодиловой кожи, вытащил оттуда небольшую стопку документов и смартфон. В стопке сверху лежал паспорт в темно-зеленой обложке, очень уж хорошо знакомой Виктору Васильевичу. Она была сильно потерта, но подполковник Россомахов сразу узнал свой паспорт, под которым располагались, выглядывая углами, удостоверение личности офицера и водительское удостоверение. Снизу лежал загранпаспорт. Стопочку документов полковник положил отдельно от смартфона и спросил:

– Это ваше?

– Утверждать не берусь, но думаю, что это мое.

– Смартфон тоже ваш?

– Не буду гарантировать, скажу лишь, что у меня был точно такой же.

– Даже если вы будете отпираться, мы все равно докажем, что это ваш смартфон, просто выясним это по звонкам.

Россомахов сразу понял, что со смартфоном что-то связано, не знал, что именно, но вида не подал и проговорил:

– Да, именно девять месяцев назад я и купил этот аппарат. До этого у меня был другой, попроще.

– А где сейчас тот, старый?

– Скорее всего, где-то дома валяется. Точно я просто не помню.

– С того телефона вы раньше разговаривали с Теофило Лопесом?

– С полковником Лопесом я познакомился уже в плену. Он меня трижды допрашивал. При побеге я убил его и бежал прямо с допроса, через окно кабинета! Раньше я с ним никогда не встречался и бесед не имел ни очно, ни по телефону. Если вы не согласны, то постарайтесь доказать свое мнение. Военный суд, я думаю, ваше мнение может учесть или же сочтет его надуманным. Именно это, скорее всего, и произойдет, если суд любит правду.

– То есть вы признаете, что убили единственного человека, который мог бы показать на вас как на предателя? Я имею в виду этого полковника ЦРУ. Потому вы его и убили, что больше никто показать на вас не мог! Но вы не учли того факта, что совокупность косвенных улик иногда может рассматриваться как улика прямая. Такое в судебной практике встречается. А ваш старый аппарат мы найдем, вы насчет этого не переживайте. Просмотрим все прежние разговоры. Есть у нас такая возможность.

Слова полковника Савелкина ложились на голову подполковника Россомахова как кирпичи, даже били по ней. После этих ударов в висках равномерно и тяжело пульсировала кровь.

Но Виктор Васильевич в этот момент думал о том, что сотрудники ФСБ беззастенчиво припрутся к нему домой с обыском, перепугают жену, все разбросают и уйдут. Даже если они и найдут телефон, то он ровным счетом ничего им не даст, потому что подполковник Россомахов раньше никогда не встречался с полковником ЦРУ Лопесом и звонить ему никак не мог.

Понятых опера ФСБ возьмут, как это обычно делается, из числа соседей, может быть, ту же Ларису Витальевну, жену полковника Личуткина, привлекут. Как потом соседи будут смотреть на него самого и на жену? Дом населен офицерами Генштаба и военной разведки. Даже когда подполковник Россомахов оправдается, обязательно найдется кто-то такой, кто скажет, что дыма без огня не бывает. Виктор Васильевич представлял себе взгляды сослуживцев и особенно их жен, которые обычно сидят по вечерам около подъезда и провожают глазами вся-

кого входящего и выходящего. Они никого не пропустят, чтобы не обсудить. За его спиной, естественно.

– Что за чушь вы несете, товарищ старший следователь! – воскликнул Виктор Васильевич и встретился взглядом с полковником.

Тот смотрел на него холодно, без проблеска мысли в глазах. Так поглядывает на свою добычу змея, уверенная в том, что та никуда от нее не денется. Савелкин чувствовал себя обязанным обвинить Россомахова, а дальше уж будь что будет. Главное, придумать правдоподобную версию и уже потом на ее основе строить обвинение.

– Вот это ты считаешь чушью! – Полковник взял в свою громадную руку смартфон арестанта и потряс им так, что бедный гаджет едва не развалился. Смартфон в его лапище смотрелся так, как простая флешка выглядит в руке обычного человека.

– Это не чушь, а всего лишь смартфон. И прекратите мне «тыкать». Я ведь, в конце-то концов, не ваш подчиненный!

– Вот как ты заговорил. Ну да ничего, на зоне тебя быстро научат разговаривать со следователями. Так что ты про свой смартфон скажешь?

– А что я могу про него сказать. Обыкновенный смартфон.

– А что скажешь про последний звонок, данные на который ты стер, не понимая, что у нас есть программы, восстанавливающие их? Разговор мы восстановить, естественно, не можем. Нет пока таких программ. Но сам факт того, что он состоялся, этот звонок подтверждает. Разговор длился всего восемнадцать секунд.

– Я тебе ничего про это не скажу потому, что ничего не стирал. Последний раз пользовался смартфоном только на позапрошлой неделе. Кажется, в пятницу. Домой звонил. С женой разговаривал. Это было еще до выхода на операцию.

Россомахов умышленно перешел на «ты», отвечал старшему следователю в его же манере разговора и даже тон повысил, как тот. На слове «тебе» он умышленно сделал ударение.

– В какое время группа вышла на операцию?

– В двадцать два сорок пять. Я даже на часы посмотрел. Мы четко придерживались графика, пока не нарвались на минное поле.

– А в какое время вы отнесли в разведотдел дивизии мешок с телефонами и документами? – Старший следователь снова перешел на «вы», но говорил по-прежнему, с обвиняющим напором.

Этот напор весьма не нравился Россомахову. Подполковнику хотелось держаться точно так же.

– Точно сказать не могу. Примерно за полчаса до выхода. Плюс-минус десять-пятнадцать минут.

– Звонок с вашей трубки господину Лопесу был совершен в двадцать два шестнадцать. По времени вы успевали…

– Вы хотите сказать, что за то время, пока мы проходили через нейтралку, бандиты успели и подкрепление подбросить, и даже подступы к своему лагерю заминировать? – Подполковник тоже снова перешел на «вы», но ударением это обращение уже не выделял.

– Я не знаю, с какого телефона вы звонили раньше. Может быть, с аппарата какого-то бойца диверсионной группы, которого подставили или сами же застрелили, чтобы не было свидетеля. Может быть, еще с чьего-то. Те мобильники, которые находились в пресловутом мешке, мы, естественно, проверим. Но чтобы нам не выполнять лишнюю работу, я все же советую вам признаться сразу и не загружать занятых людей. У нас и без вас хватает забот. Ну так что, признаешься? – уже откровенно грубо спросил полковник, снова уперся локтями в столешницу, вытянул шею, приблизил голову к Россомахову, пытаясь насквозь пронзить его холодным змеиным взглядом.

Подполковник слегка рассеянно и расслабленно посмотрел на окно, потом точно так же на полковника, внезапно резко ударил того предплечьем в вытянутую шею и попал, куда и хотел, точно в сонную артерию. Голова Савелкина как была наклонена вперед, так и упала. Его нос воткнулся в настольное оргстекло, из него побежала струйка крови.

Хорошо было бы ударом по затылку это пятно по столу размазать и разбрызгать. Но, во-первых, Виктору Васильевичу не хотелось самому руки марать и в дополнение к этому еще и чужой кровью обрызгаться. Во-вторых, Россомахов много раз слышал, что повторный удар делает перенос болевого шока на новый участок, и оттого человек быстрее приходит в себя. А скорое возвращение Савелкина в сознание было подполковнику не выгодно. Поэтому он удержался.

– Извини, полковник, но ты меня сильно утомил, – сказал Виктор Васильевич, наклонившись к диктофону. – Нельзя быть таким упертым и непроходимо глупым.

Он схватил со стола свои документы и телефон, пошарил на поясе и под мышкой у полковника, отыскивая пистолет, но нашел его только в кармане гражданского пиджака. В другом кармане обнаружился бумажник, битком набитый долларами.

Россомахов сунул все это в свой карман, легко запрыгнул на подоконник и сразу посмотрел вниз. Асфальт на тротуаре был неровный, местами выломан, побит то ли пулями, то ли осколками, но в целом оказался вполне пригоден для удачного приземления.

Глава 4

На улице были люди. Но едва ли кто-то из них, даже военных, решился бы задержать человека, выпрыгнувшего из окна штаба, со второго этажа. Тем более иностранца. Никто не сможет сразу понять, что на втором этаже произошло. Вдруг там просто пожар, и люди спасаются? По крайней мере один человек рискнул так поступить.

К русским советникам и специалистам в Сирии относились хорошо. А других европейцев здесь по сути дела и не было. Во всяком случае по эту, правительственную сторону фронта. Все, кто увидит прыжок, определят в этом человеке русского.

Виктор Васильевич еще раз глянул вниз. Конечно, высоковато, больше четырех метров будет. Может быть, даже пять, учитывая, что прыгать предстоит с подоконника, а не с уровня пола.

Однако он спрыгнул легко и приземлился удачно. Виктор Васильевич не стал дожидаться окриков или выстрелов из окна, быстрым шагом двинулся к повороту улицы и сразу увидел подполковника Личуткина, стоявшего на небольшом штабном крыльце. Похоже было на то, словно бы тот именно его дожидался.

Россомахов знал и даже сам не раз видел, что офицеры штаба выходят курить в другую дверь, находящуюся в том же холле, что и главная, только выводящую во двор. Там, на широком бетонном крыльце, стояло и специальное ведро для окурков с какой-то надписью сбоку. Она была сделана по-арабски, справа налево и окольцовывала все ведро наподобие рисунка.

Но полковник почему-то вышел на главное крыльцо. Взгляд его при виде Виктора Васильевича выражал удовлетворение, понимание, но никак не враждебность. Личуткин не предпринимал никакой попытки к задержанию беглеца, ничего никому не крикнул. А ведь на улице было немало военных, и практически все они имели при себе оружие, то есть могли стрелять на поражение или же помочь в задержании.

Полковник быстро и в то же время плавно, навесом что-то бросил в сторону Россомахова. Тот уже оценил взгляд полковника и поймал брошенное на лету, понимая, что это вовсе не граната, судя по размеру.

– Машина напротив стоит, – тихо сказал Василий Андреевич.

Его сосед по лестничной площадке в далекой Москве понял эти слова скорее по движению губ, нежели расслышал их. Он разжал ладонь, увидел ключ от автомобиля и сразу шагнул туда, где тот стоял.

– Не та машина! Ваша впереди. За углом смартфон выбросите. Иначе по биллингу отследят и найдут, – уже громче произнес Личуткин, сразу после этих слов резко повернулся и вошел в штаб.

Дескать, я ничего не видел, не слышал и не знаю. Спокойно иду по своим делам и даже не попытаюсь завести с кем-то интереснейший разговор о почтовых марках.

А что, в самом-то деле, тут произошло? Лень было человеку по лестнице спускаться, вот он и спрыгнул с подоконника. Эка невидаль!

Виктор Васильевич поднял с земли свой пластиковый пакет, подождал, когда машина Личуткина приблизится к внутридворовой парковке, но направился не сразу туда, а в сторону дорожки, ведущей от нее к подъезду. Он в сторону парковки не смотрел, но при этом отработанным методом рассредоточил свой взгляд так, что мог периферийным зрением охватить сектор до двухсот градусов. Такова обычная манера слежения, отрабатываемая в военной разведке.

Это позволило ему, пусть и без резкости, необходимой для обычного зрения, заметить, как полковник Личуткин вышел из машины с большим и тяжелым портфелем в руках, оста-

новился, по-хозяйски осмотрел машину, даже сзади под нее заглянул, потом поднял руку и нажал на кнопку, включающую сигнализацию. Та по-кошачьи мяукнула. Щелчок показал, что на всех пяти дверцах автомобиля закрылись стопоры замков.

Василий Андреевич, важно вышагивая и помахивая объемным, явно нелегким портфелем, направился к подъезду. Виктор Васильевич шел ему наперерез. Он правильно просчитал скорость и расстояние, верно совместил эти величины. Встреча произошла неподалеку от поворота на узкий тротуар, ведущий к подъезду. К счастью, на скамейках, стоящих по двум сторонам этого тротуара, никто сейчас не сидел. Подполковник Россомахов увидел и учел это заранее, просчитывая место встречи с сослуживцем.

– Добрый вечер, Василий Андреевич, – тихо произнес подполковник.

Его сосед, задумавшийся о чем-то своем, от неожиданности резко остановился и даже портфель выронил. В нем тут же что-то глухо звякнуло, и этот звук привел Личуткина в чувство.

– Не понял!.. Кто вы? – Полковник явно не узнал сразу своего соседа, как и его жена совсем недавно.

По глазам Василия Андреевича подполковник заметил, что этот процесс растянулся почти на полминуты.

– Неужели Виктор Васильевич?

– Он самый, товарищ полковник. Именно я и есть.

– А я как раз о вас думал, голову ломал, куда вы сгинули.

Полковник пришел в себя, тут же поднял портфель, вытащил из него три довольно тонкие картонные папки и несколько пластиковых файлов с бумагами. Он стряхнул с них какие-то капли, после чего зажал все это под мышкой, вытряхнул из портфеля в металлический ящик, оказавшийся под рукой, осколки стекол, заодно вылил туда же некую жидкость. Ее запах сообщил подполковнику Россомахову о том, что в портфеле была бутылка вина.

– Эх, как же напугали вы меня. Я тут задумался, шел, понимаете ли, домой. У нас с женой сегодня годовщина свадьбы. Решили дома отметить, никуда не ходить. Дата-то не круглая. Вот я и купил бутылочку «Вдовы Клико». А теперь надо же, разбил! Придется за другой бутылочкой в магазин съездить. Вы, Виктор Васильевич, как я понимаю, хотели со мной поговорить. Поехали вместе. В машине и пообщаемся.

– Поехали, – согласился Россомахов, радуясь в душе тому обстоятельству, что в квартире Личуткиных окна выходят на другую сторону двора, и увидеть его оттуда практически невозможно. Разве что из окна подъезда, но ведь туда еще необходимо специально выйти, а такой необходимости у Ларисы Витальевны, вероятно, не было.

Офицеры прошли к машине. Говоря честно, Россомахов ждал, когда Личуткин скажет что-то про цену шампанского, разбитого из-за неожиданного окрика. Все-таки такая бутылка стоила немалых денег. Но Василий Андреевич про цену промолчал, не обвинял соседа в неожиданном появлении и в собственном испуге.

Сначала они ехали молча. Каждый, видимо, ждал, что начнет говорить собеседник. Так и добрались до ближайшего магазина.

– Посидите, Виктор Васильевич, здесь. Я за шампанским сбегаю.

Полковник убежал, но вернулся быстро и заявил:

– Здесь даже не знают, что такое «Вдова Клико». Народ только одну водку раскупает. Заглянем в следующий.

В следующем магазине картина повторилась.

– Придется в центр ехать, где я покупал сегодня, – посетовал полковник, снял фуражку и бросил ее на заднее сиденье.

Она, видимо, мешала полковнику хорошо видеть дорогу. А в центре Москвы движение всегда насыщенное, там требуется особая внимательность. Однако он ехал вполне уверенно, придерживался максимально возможной скорости и наконец-то купил шампанское.

Личуткин вернулся в машину, уложил пакет с бутылкой на заднее сиденье, рядом с фуражкой и спросил Виктора Васильевича:

– Ну так что вы теперь намерены делать?

– Для начала я хотел бы узнать свой настоящий статус.

– Возможно, я не в курсе всего, но, насколько мне известно, вы находитесь в статусе беглеца. Я признаюсь, что там, в Сирии, получил приказ от нашего с вами совместного командования обеспечить вам возможность побега. Не более того. О содействии не было сказано ни слова, а я таковое оказал, превысил свои полномочия, предоставил вам транспорт.

– Как, кстати, там все обошлось? К вам лично претензий не было?

– Полковник Савелкин попытался было высказать недовольство по поводу незарешеченного окна. Но мои аргументы оказались почти равнозначными. Вставлять решетку ради одного часа допроса мне показалось лишним. В результате Савелкин добился только выговора в мою сторону за проявленную халатность. Без занесения в личное дело. Там, в Сирии, мне его объявили, но в Москве это почему-то забыли даже приказом оформить. Повсеместная, понимаете ли, халатность и нерадение. Но я не против. Значит, выговора и не было.

– А относительно машины что? Неприятностей не было?

– А это была не моя машина. Какие у меня могут быть из-за этого неприятности? Это был автомобиль гражданского человека, который работает в штабе. Кажется, переводчиком с французского языка. Какие-то инструкции к трофейному оружию в интернете выискивает и переводит.

– Но ключи-то я получил от вас.

– Разве? – показушно удивился полковник, усмехнулся и добавил: – Я давно уже заметил, поглядывая в окно, что он оставляет ключи в машине, как в Сирии делают многие. В то утро на всякий случай, во избежание случайностей, ключи я реквизировал, а потом передал их вам. Вы сумели благополучно скрыться. Как вам это, кстати, удалось? Все выезды из города, я слышал, были перекрыты постами с участием российской военной полиции.

– Достаточно просто. Я спрятал машину в кустах, не слишком далеко от выездной дороги, снял номера, ночью уже без них вклинился в военную колонну, которая передвигалась на северо-восток по главной трассе. Пост находился по другую ее сторону. Колонну никто проверять не будет. Так я и ехал всю ночь, бросил машину только неподалеку от курдско-американского смешанного поста. Через курдские районы шел ночами пешком до самой турецкой границы. Несмотря на все старания правительства, охраняется она, мягко говоря, не особо строго. Курды живут и по одну, и по другую сторону кордона. Друг к другу в гости ходят без проблем. Я нашел себе друзей или купил их – это как вам больше нравится – на сирийской территории, они помогли мне границу перейти и обеспечили на несколько первых дней лежку в курдском селе, расположенном в Турции. Потом, как уж мог, через Турцию шел до Грузии.

– Впечатлений, наверное, набрались, – мечтательно произнес полковник Личуткин.

– Да, хоть роман пиши. Могу опытом о переходе некоторых границ поделиться. Это некоторым отделам нашей службы может сгодиться.

– Хорошо. Прикажете доложить это по инстанции? – с усмешкой осведомился полковник.

– Если можно. – Подполковник в ответ проявил только скромность, приличествующую такому случаю. – Я бы не отказался поделиться опытом и адресами тех добрых людей, которые мне помогали. Не бесплатно, конечно. Это я не о помощи, а о готовности поделиться своими знаниями. Мне достаточно обыкновенной моей ставки, хотя в финансах я сейчас сильно ограничен.

– Однако полковник Савелкин сказал, что вы похитили у него кошелек с пятьюдесятью тысячами долларов.

– Врет как заяц. Там было меньше пяти тысяч. Из них часть сделана на простом лазерном цветном принтере. Даже бумагу не потрудились подобрать. Я не специалист, и то сразу разобрался.

– Значит, деньги вам нужны, – сделал совершенно логичный вывод полковник.

– Деньги, говорят, даже ежику бывают необходимы.

– Насчет ежика я сомневаюсь, но вам смогу, пожалуй, тысяч пятьдесят выделить. Я должен был передать их вам еще в Сирии, но просто не успел снять с карточки. Сейчас сделаю это.

– Значит, вы говорите, что в Сирии действовали по приказу. А откуда он исходил? От кого?

– Прежде всего от нашего с вами руководства. Сразу вслед за этим со мной провел весьма осторожный и по-азиатски замысловатый разговор генерал Сухель. Напрямую он приказать не мог, поэтому просто попросил меня содействовать скорейшему вашему освобождению из-под стражи, если на вас нет вины. Генерал не поверил в ваше предательство, как мне показалось.

– Но кто-то же нас предал! – воскликнул Россомахов. – До тех пор пока этот негодяй не будет определен, меня будут обвинять. Это я понимаю отлично. Даже не сомневаюсь в том, что кроме меня и некоторых отделов нашей службы никто не будет настоящего предателя искать. Но я по своим внешним данным слишком заметный человек там, в Сирии. В этой стране меня запросто можно определить и задержать. Поэтому я должен был добираться до Москвы, искать спасения здесь.

– Извините, Виктор Васильевич, мы подъехали к рынку. Здесь есть банкомат. Я сейчас сниму с карточки деньги и передам вам. Потом мы продолжим наш разговор.

Полковник припарковал машину, вышел, вернулся довольно быстро, опустился на водительское сиденье и стал вслух считать деньги. Снял с карточки он большую сумму, но передал подполковнику ровно пятьдесят тысяч. Не слишком много, но на первое время этого должно было хватить.

– Мне на карточку перечисляли в долларах, но я перевел их в рубли. Не думаю, что в Москве вам удобно будет долларами пользоваться. Доллары я должен был бы передать вам в Сирии. Или, по вашему желанию, перевести их в сирийские фунты. Хотя это из-за постоянной девальвации фунта тоже рискованно. Там доллары – куда более надежная валюта. К тому же они имеют повсеместное хождение. Однако я просто не успел передать вам деньги. У меня такой возможности не было. Слишком поздно мне их перевели. Но я думаю, что доллары полковника Савелкина пошли вам на пользу, помогли добраться до Москвы. Пусть и не пятьдесят, а только пять тысяч.

– Эти доллары кончились еще под Краснодаром. Я же говорю, там было меньше пяти тысяч. А аппетиты что в Курдистане, что в Турции, что в Грузии у всех велики. Особенно если человек в беде. Пришлось мне уже в Грузии стать нищим бомжом. Но я способен выживать в любых условиях. Как и всякого спецназовца, меня учили адаптироваться к каким угодно условиям существования.

– А сейчас у вас какие ближайшие планы?

– Домой прийти, с женой увидеться, больше часа полежать в ванне, отмокнуть. Побриться и подстричься, в конце-то концов. Сначала все самое человеческое, бытовое. Потом уже буду думать, как мне легализоваться.

Полковник явно хотел было что-то сказать, но промолчал.

Россомахов, однако, это чутко уловил, поэтому обеспокоился и спросил:

– Что-то не так, товарищ полковник?

– Извините, Виктор Васильевич, даже и не знаю, как к этому вопросу подступиться.

– А прямо вот так и подступайтесь. Говорите как есть.

– Вы ничего, похоже, про свою жену не знаете.

– Вы желаете открыть мне на что-то глаза?

– И раньше, значит, ничего не знали и не подозревали?

– Нет. А что я должен был знать про нее?

– Про нее и про ее любовника.

Кровь ударила Россомахову в голову. На какое-то мгновение он даже видеть перестал, но быстро овладел собой, опасался только, что этот момент не остался не замеченным полковником Личуткиным.

Тот передал Виктору Васильевичу деньги из рук в руки, плавно тронулся с места и поехал неторопливо, поскольку двигаться быстро просто не позволяла дорожная обстановка. При такой езде Василий Андреевич имел полную возможность бросать косые взгляды на своего пассажира, что время от времени и делал.

Произнеся последние слова, полковник, кажется, сам засмущался и потому стал старательнее смотреть за дорогой. Хотя, возможно, ситуация на ней этого и требовала.

– Нет. Я даже не подозревал, – наконец-то ответил Виктор Васильевич и спросил: – А это точные сведения?

– Настолько точные, что я сам однажды утром, отправляясь на службу, увидел этого человека. Он при мне вышел из вашей квартиры и закрыл дверь своим ключом. Мы вместе спускались в лифте. А потом этот тип сел в свою машину и уехал. Это было года полтора назад.

– А я тогда где был?

– Насколько я помню, в командировке. Вы же часто ездите на задания. Анну Ярославну я, правда, с ним не видел. Но их вдвоем встречала на улице Лариса Витальевна. В сторону дома шли, потом по отдельности в подъезд заходили. Она посмотрела и мне, естественно, рассказала, когда я со службы вернулся. А в тот день я домой пришел уже после двадцати двух, задержался, понимаете ли. Мне Лариса Витальевна доложила, я сначала не поверил, подумал, не может такого быть, чтобы профессиональный военный разведчик ничего не заметил. Но Ларисе Витальевне строго-настрого наказал, чтобы она в чужую жизнь не совалась. При вашей с Анной Ярославной разнице в возрасте всякое может быть. Не исключено даже такое, что вы ей разрешаете любовника держать. Но, естественно, с условием, чтобы никто ничего не знал. Я с такими случаями несколько раз встречался. Нервная работа, иногда сложные ранения и все такое прочее. А относительно разницы в возрасте я ничего против не имею. У меня у самого она в девять лет. Только в обратную сторону, жена старше.

– Я как мужчина еще вполне в силе, – сказал Виктор Васильевич. – Просто я жене полностью доверял. Даже больше, наверное, чем самому себе. У меня никогда даже тени сомнения насчет нее не возникло. Да мне, честно признаться, и теперь не верится.

– Сейчас, после того как Анна Ярославна получила насчет вас предупреждение, она, похоже, мысленно уже похоронила любимого мужа. Сколько месяцев прошло после вашего побега?

– Три с половиной.

– Вы ей не звонили?

– Никак нет, товарищ полковник. Смартфон, как вы правильно и вовремя подсказали, я за углом выбросил в развалины дома. Может, кто-то подобрал. Или же он и до сих пор там еще валяется. Вы сами давно оттуда вернулись?

– Месяц с небольшим.

– И что за это время вам удалось усмотреть? Это я к разговору о жене возвращаюсь.

– Кое-что удалось. Того человека – вы понимаете, о ком идет речь – я теперь вижу очень часто, иногда каждый день. Все зависит от того, когда он на службу уходит. Или у них это не службой, а работой называется. Я не знаю, кто он. Ни разу с ним не разговаривал всерьез.

– Выходит из моей квартиры, – заметил Виктор Васильевич.

– Мы даже здоровались, – продолжил полковник Личуткин. – Он предпринял попытку познакомиться, назвался Виталием. Я в ответ даже не представился, посмотрел на него так, что он сразу заткнулся. Но с Анной Ярославной мы здороваемся. Просто по-соседски. Лариса Витальевна пыталась как-то ее на разговор вызвать, но та сказала, что сильно торопится, и убежала к машине.

– К моей машине, – снова вставил Виктор Васильевич. – Она со своей зарплатой маникюрши на такую не скоро заработает.

– Да, наверное, – согласился Василий Андреевич. – Ваша «Мазда» шестой модели – не самая дешевая машина. А что, маникюрши мало получают?

– До смешного мало. Однажды Анна кошелек со всей зарплатой потеряла, так я нисколько не расстроился, ее утешал, сказал, что потеря для семейного бюджета минимальная.

– «Объявление. Утерян кошелек с зарплатой. Нашедшего прошу не смеяться», – ответил полковник анекдотом, таким же бородатым, как его собеседник.

Глава 5

Личуткин повернул в свой двор и поставил машину на парковку.

По правую сторону от его кроссовера отдыхали белая «Мазда» и черный «Ренджровер», машина для очень богатых людей, которых обычно обслуживает водитель.

– Вот их машины. Первая ее, вернее сказать, ваша. Вторая – его.

– Он что, водителем работает?

– Внешне на водителя не сильно похож. Я бы подумал, что это его личная машина.

– Денег девать людям некуда, – проворчал подполковник. – Все за престижем гоняются. «Ренджровер», насколько я знаю, заточен под пассажиров заднего ряда. А водитель там многих удобств попросту лишен. Зачем они наемному работнику? Комфорт предназначен для владельцев автомобиля, которые обычно считают себя хозяевами жизни.

– Возможно. Но меня больше волнует, что вы сейчас думаете предпринять.

– Думаю домой завалиться как ни в чем не бывало. Якобы просто вернулся, ничего не подозреваю. Поговорю, выясню ситуацию.

– Физическая помощь вам, я думаю, не нужна. Вы сам куда лучший специалист по этой части, чем пять таких полковников, как я. Но, если что, зовите. Можете ко мне потом зайти, переночевать у меня. Так, я думаю, будет надежнее. Комната свободная есть. Слышно будет, если кто-то к вам в квартиру пожалует.

– Так я в розыске, что ли, нахожусь?

– Точно я не знаю, но такое вполне возможно.

– Нет, – заявил Россомахов. – Полиция сегодня у меня паспорт проверяла. Если бы я был в розыске, то меня попытались бы задержать. Я не уверен, что им это удалось бы, но попытку они предприняли бы обязательно. Не зря же им автоматы доверяют. Я слышал, что даже обезьяна с автоматом может стать опасной. А уж менты – тем более. Особенно опасным среди них считал себя сержант, большой и тупой парень. Я сломал бы его так быстро, что он затвор не сумел бы передернуть, потом закрылся бы телом и из его автомата перестрелял бы двух других. Сдаваться и поднимать лапки кверху я не был настроен.

– Розыск, кстати, бывает разным. Есть местный, есть всероссийский или федеральный. Так, мне кажется, правильнее называть. Он, как правило, объявляется через шесть месяцев после местного. Тогда же заполняются информационно-поисковые карты на связи разыскиваемого и на те места, где он может появиться. Помимо этого есть розыск международный, а есть, кажется, и ведомственный, наименее афишируемый. Он чаще всего применяется, когда разыскное ведомство желает какие-то свои огрехи прикрыть, не выставлять их на всеобщее обозрение. Что касается вас, я думаю, что еще не завершился розыск местный. Никто не подавал на федеральный уровень. Следовательно, менты просто не могли иметь на вас данных. Ищут вас, я думаю, до сих пор в Сирии и, возможно, в близлежащих странах, имеющих с ней общую границу. Например, в Турции, Иордании, Ливане, Израиле.

– В ФСБ должны знать мой уровень подготовки и обязаны предвидеть мое появление в Москве. Куда еще, кроме столицы, я могу податься?

– Да, я прекрасно представляю себе, на что вы способны, если одним ударом такого лося обезвредили, как полковник Савелкин. Однако бороться в одиночестве с конторой даже вы не в состоянии. К тому же сотрудники ФСБ должны считать, что вы попытаетесь докопаться до истины на месте. Они просто подумают, что вам нет смысла в Москве появляться. Я, кстати, тоже так полагал. Короче, Виктор Васильевич, договоримся так. Я завтра доложу командованию о вашем возвращении. Пусть у наших начальников головы болят. Они по вашей милости у них и так не особо здоровые. Новые заботы впишутся в старые. Они смогут узнать и о розыске, и обо всем другом. А пока я советовал бы вам вообще дома не показываться, а отлежаться у

меня. Я предоставлю вам комнату и возможность привести себя в божеский вид. Найдется, конечно, полотенце, шампунь, мыло, бритва и машинка для стрижки волос. Более того, я даже сам вас подстригу или попрошу Ларису Витальевну. У нее это обычно получается лучше, чем у меня. А потом, как я предполагаю, вам выдадут документы на чужое имя. Абсолютно реальные, не поддельные. Даже жить вас устроят где-нибудь на служебной квартире или в офицерском общежитии. Будем вместе ждать, когда вся эта история уляжется тем или иным способом.

Подполковник Россомахов широко улыбнулся и проговорил:

– Я спать не смогу, если буду думать, что Анна там, рядом со мной, всего-то через несколько стен, рядом с этим Виталием. Кажется, именно так вы его назвали, товарищ полковник. У меня воображение богатое, поэтому я буду представлять разное. А когда все разрешится, я буду уже все знать и успокоюсь. Я не думаю, что Анна или этот Виталий имеют какие-то связи в ФСБ и готовы доложить туда о моем прибытии в Москву.

Они вышли из машины. Василий Андреевич включил сигнализацию, а Виктор Васильевич тем временем сфотографировал взглядом номер «Ренджровера». Сработала профессиональная привычка с одного взгляда запоминать его. Для этого требовалось не просто посмотреть на номер, а сохранить его в голове. При необходимости это давало возможность в любой момент восстановить фотографию и номер назвать. Сама технология подобного фотографирования давно известна в прикладной психологии, даже разработана целая система тренировок памяти именно по этому конкретному варианту.

Метод фотографирования объектов, скажем, карт местности или чего-то еще, используется разведслужбами многих стран мира. Степень запоминания напрямую зависит от индивидуальных особенностей человека. Но автомобильный номер – это самое простое, в сравнении, скажем, с той же картой местности, имеющей множество топографических отметок, которые бывает необходимо запомнить. Сохранить в голове таким методом автомобильный номер может практически каждый офицер спецназа военной разведки.

К подъезду они шли рядом. Полковник, как и раньше, широко размахивал своим объемным портфелем, куда убрал пакет с покупкой. Но теперь он держал его крепко, не желал разбить и вторую бутылку дорогого французского шампанского.

– Может, и правда лучше к нам пойдем, – уже в лифте предложил полковник Личуткин. – Посидим за столом, познакомимся с «Вдовой Клико».

– Разве что чуть позже, – проговорил подполковник Россомахов. – По крайней мере, ванну я дома принимать ни за что не буду. Просто как подумаю, что в ней этот Виталий лежал, сразу брезговать начинаю. Я уж лучше у вас, товарищ полковник, вымоюсь, если позволите.

– Без всяких разговоров. Тогда мы вас дождемся, за стол одни не сядем. Будете сегодня нашим единственным гостем.

– Если что-то не так пойдет, я зайду, предупрежу вас. – Последняя фраза, произнесенная Виктором Васильевичем, говорила о том, что какая-то надежда на ошибку в глубине души у него еще жила.

Он думал о том, что все может завершиться благополучно. А вдруг этот Виталий и есть тот самый сводный брат Анны, о котором подполковник несколько раз слышал, знал, что Анна не была знакома с ним? Если так, то ситуация станет совсем иной.

На лестничной площадке они расстались. Полковник Личуткин вошел к себе. Подполковник Россомахов не имел ключей, которые оставил дома при отбытии в командировку, и просто позвонил в дверь собственной квартиры.

Анна была там только прописана, не имела права распоряжаться этой жилплощадью, не могла продать ее без согласия мужа. Для того чтобы он был официально признан пропавшим без вести и жена вступила бы в право наследства, требовалось, кажется, отсутствие законного супруга в течение года. Подполковник точно количество этих дней не знал, но не сомневался

в том, что они еще не прошли. Он где-то слышал об этом, припомнил даже такой судебный термин: безвестное отсутствие.

Слышал подполковник и о том, что если военнослужащий пропадает без вести, то его смерть признается официально через два года после окончания военных действий. Никто не знал, когда они завершатся в Сирии. Но в этом вопросе есть много тонкостей, которые умелый юрист сумеет повернуть так, как ему выгодно.

А вот в случае гибели Виктора Васильевича дело обстояло бы иначе. Если бы такой факт имел место, то Анна могла бы вступить в наследство уже через полгода, которые, кстати, тоже пока еще не прошли. Но его гибель никак не задокументирована, следовательно, он может быть сочтен только пропавшим без вести.

Позвонил Виктор Васильевич так, как делал это обычно – один длинный, один короткий. Это был своего рода опознавательный знак, хорошо известный его жене. Он, видимо, сыграл свою роль.

Сначала за дверью послышались быстрые шаги и шлепанье тапочек по гулкому паркету. Но потом, видимо, женщина поняла, кто нажал на кнопку звонка, и шаги стихли. После чего кто-то выглянул в дверной глазок. Раньше, сколько Россомахов ни настаивал, Анна никогда этого не делала. Она всегда открывала дверь нараспашку и даже не спрашивала, кто пришел.

В полумраке подъезда, да еще через дверной глазок, искажающий восприятие, узнать мужа в бородатом бомже было, скорее всего, невозможно.

– Вам кого? – спросила Анна.

От звука ее голоса у Виктора Васильевича застучало сердце. Да так сильно, что он начал опасаться, что Анна подумает, будто ее любимый муж колотит в дверь кулаком.

Поэтому он поторопился сказать:

– Аннушка, это я. Открывай быстрее.

Но дверь не распахнулась. За ней послышался шепот мужчины и женщины.

Виктор Васильевич снова нажал на кнопку звонка и на сей раз не отпускал ее очень долго.

Наконец-то он сделал это и сказал с очевидным раздражением:

– Мне что, в мою собственную квартиру войти не разрешают?

Она могла не узнать его через дверной глазок, но голос-то наверняка должна была определить!

– Сейчас, Витя, подожди минутку, – сказала Анна.

За дверью снова послышался шепот. Женщина явно на чем-то настаивала. Потом там зашаркали чужие тапочки. Шаги удалялись в сторону комнаты.

После этого открылся один замок, за ним второй, нижний, которым Россомахов и Анна в былые времена никогда не пользовались. Похоже было на то, что Виталий беспокоился о собственной безопасности. Наверное, у него имелись какие-то основания для этого. Он кого-то боялся. Зазвенела на двери цепочка, которой раньше не было и в помине.

Виктор Васильевич нисколько не боялся воров. Он считал, что воры должны страшиться его самого. Ведь эти ребята не лезут в первую попавшуюся квартиру. Их обязательно кто-то наводит. Он обязательно должен знать, что в этой квартире живет специалист по рукопашному бою. Иначе грош цена такому наводчику, который своих подельников просто подставит. Они влезут в квартиру, хозяин которой их просто изуродует, сделает инвалидами на всю оставшуюся жизнь. А если эти охотники до чужого добра вдруг окажутся вооруженными, то это будет только хуже для них. Тогда Виктор Васильевич просто разозлится и не допустит того, чтобы эти бандиты могли бы ограбить какую-то другую квартиру, где некому будет дать им отпор.

Наградной пистолет подполковник держал в оружейном сейфе с кодовым замком. Но он в первые же месяцы совместной жизни, еще на другой квартире, расположенной в военном городке, показал Анне, как открывать его. Она всегда могла вытащить оттуда пистолет. Муж

научил ее пользоваться этим оружием. Он специально водил жену на батальонное стрельбище и в гарнизонный тир.

Наконец-то дверь приоткрылась, но цепочка, как оказалось, не была снята. Она позволила створке отодвинуться только на небольшое расстояние.

Вообще все эти цепочки – пустая трата денег и нарушение целостности двери. Подполковник Россомахов отлично знал, что одним резким ударом основанием ладони в полотно он разорвет цепочку. Но пока подполковник не хотел прибегать к этому радикальному методу.

– Что ты хотел? – спросила Анна через щель.

– Как это что? Я хотел домой войти. Я вернулся из длительной командировки и…

– И теперь ты здесь больше не живешь, – твердо сказала Анна.

– А вот и врешь, – спокойно возразил ее законный супруг. – Это моя квартира, частная собственность. Выметайся отсюда вместе со своим Виталием. Освободите помещение!

– Вот, значит, как, – с вызовом, но в то же время понимая правоту мужа, теперь уже, конечно же, бывшего, проговорила Анна. – Нашлись, стало быть, доброжелатели. Уже доложили тебе.

– Мир не без добрых и честных людей. Не все же такие, как ты. Открывай поживее! Мне уже надоело стоять в подъезде. Лучше меня не доставай. Ты же знаешь, что если я разозлюсь, то вам обоим не поздоровится.

Это он сказал сгоряча. Виктор Васильевич никогда на Анну руку не поднимал. Да и не за что было. Ругаться им, естественно, доводилось. Без этого, наверное, не бывает семейной жизни. Но до рукоприкладства дело ни разу не доходило.

Да и ее Виталия, который занял его законное место рядом с ней, он бить тоже не намеревался, если только тот сам не напросится. Хотя подполковник очень хотел, чтобы так оно и вышло. Произойти это могло бы только в одном случае – если бы сам Виталий проявил агрессивность.

– Я открою, – сказала Анна. – Но только при одном условии. Ты не предпримешь ничего против моего нового мужа. Естественно, и против меня. Дашь нам возможность свободно уйти.

– Убирайтесь. Совершенно свободно. Мне ночевать хочется дома. Я устал быть бомжом.

– Как войдешь, встань лицом к стене.

Он ничего на это не ответил и вставать лицом к стене не собирался. Анна сначала прикрыла створку, потом сняла цепочку и распахнула дверь настежь, как делала обычно. Поступать иначе эта женщина просто не умела.

Подполковник Россомахов вошел в прихожую и сразу почувствовал, как ему в живот уперся ствол пистолета, разумеется, того самого, его собственного, наградного. Анна всегда была решительным человеком и выстрелить вполне смогла бы.

– Лицом к стене, я сказала!

Виктор Васильевич только усмехнулся по поводу ее наивности и сказал:

– Я тебе много раз говорил, что к животу противника нельзя ни ствол, ни нож прижимать. Это опасно для тебя же. Отдай мне мой пистолет.

– Попробуй, забери.

– Да и заберу.

Вообще-то наградное оружие действующего офицера во время боевой командировки должно было быть с ним. Но, уезжая, подполковник Россомахов оставил пистолет в сейфе. Мало ли, жене может сгодиться. Он сам предупредил ее об этом, не подумал, что пистолет может быть применен против него же.

Но это вообще-то и не применение. Даже Уголовный кодекс, как знал подполковник, трактует подобные действия только как угрозу такового.

Но Анна не отнеслась серьезно к его предупреждению. Виктор Васильевич легко и быстро выполнил прием, стандартный для такого случая, известный даже молодым офицерам

спецназа военной разведки. Он проводится одновременно в разных плоскостях. Человек поворачивается боком, уходит с линии выстрела. В то же самое время рука его прижимает пистолет или нож к животу плашмя, давит на кисть противника, выворачивает ее. В результате оружие падает в ладонь, подставленную заранее. Если действие предпринимается против ножа, то после этого наносится удар в горло, если против пистолета, то производится выстрел. Но такая необходимость возникает далеко не всегда.

Когда пистолет оказался в руке Виктора Васильевича, он просто развернул Анну, пользуясь преимуществом в физической силе, обхватил ее правой рукой за горло и слегка выгнул тело. Сам Россомахов знал и контрприемы против такого захвата, но Анна ими не владела. Она даже не догадалась нанести удар кулаком себе за спину, ему в пах. Можно, конечно, бить и выше, в район мочевого пузыря или даже локтем в печень. Но все эти удары должны быть отработанными, иначе толку от них будет мало.

Удар в район мочевого пузыря в такой ситуации предпочтительнее. Если он будет нанесен правильно, достаточно резко и сверху вниз, то, во-первых, противник может сразу помочиться себе в штаны. Взрослого мужчину такой конфуз обязательно смутит. Во-вторых, если удар в дополнение к резкости окажется и мощным, то может лопнуть мочевой пузырь.

Вообще-то этот прием относится к серии ударов, имеющей общее название «отложенная смерть». Если человек в течение десяти часов не обратится к врачу и ему не проведут хирургическую операцию, то произойдет заражение крови и через сутки наступит летальный исход.

Мужчины обычно стесняются обращаться к медикам с такими проблемами. Особенно если удар был нанесен женщиной. Поэтому они просто умирают.

Допустим, что так оно и случится. Умрет бомж, подозреваемый в государственной измене. Тогда через полгода Анна вступит в наследство. Ей не понадобится ждать окончания войны в Сирии, которая способна затянуться на много лет. Единственное обвинение, которое может быть выдвинуто против нее, это превышение мер самозащиты.

Но какие меры самозащиты она, слабая женщина, могла превысить, когда в руках у ее бывшего мужа был его наградной пистолет? Ее, конечно, не обвинят.

А он не сможет доказать, что не брал пистолет с собой в Сирию. К тому моменту Виктор Васильевич, скорее всего, уже ни единого слова в свою защиту произнести не сможет, потому что мертвые, как правило, не умеют разговаривать.

Но Анна всего этого, наверное, просто не знала. Она в испуге схватилась за его руку, перекинутую через ее горло, даже ногтями впилась в предплечье, обдирая ему кожу.

Тут из комнаты наконец-то вышел мужчина, тот самый Виталий. Это был рыхлый, слегка пузатый человек, наверняка не способный вести рукопашный бой.

– Убирайся отсюда! – приказал ему Россомахов.

– Анна… – сказал Виталий неуверенно.

Подполковник убрал руку с горла бывшей жены, оттолкнул ее от себя и добавил:

– И свою швабру забирай.

Виталий послушно двинулся к входной двери, но тут же остановился и сказал:

– Нам хотя бы одеться надо. Не пойдем же мы по двору в таком виде.

– Быстро! Армейские сорок пять секунд вам на сборы. По истечении этого времени пойдете отсюда в том, что успеете надеть.

Они ушли в комнату и вернулись уже через минуту, одетые. Анна была с сумочкой в руке.

– Ключи от моей машины. И от квартиры тоже!

– Я еще за своими вещами хочу вернуться, – проговорила женщина.

– Твои вещи куплены на мои деньги. Они, по большому счету, тебе уже не принадлежат. Я их просто выброшу в мусор.

Анна фыркнула, вытащила из сумочки ключи от машины и квартиры.

– Документы!

– Какие?

– От машины, естественно. Твои личные мне и на хрен не нужны.

Она стала копаться в бездонной женской сумочке.

В это время Виталий вытащил какие-то бумаги из своей барсетки и протянул их Россомахову.

– Что это? – спросил подполковник.

– Документы на квартиру.

– А почему они у вас?

– Я ходил с ними на консультацию к юристу своей фирмы.

– Спасибо, – проявил вежливость Виктор Васильевич. – Теперь давайте ключи от квартиры. Те, которые сейчас у вас.

Ключи он получил сразу. Рука Виталия при этом слегка подрагивала, взгляд бегал по сторонам. Он откровенно побаивался подполковника, избегал смотреть ему в глаза. Именно такие люди бывают особенно опасны. Они всегда готовы нанести удар в спину.

Наверное, беспокоился Виталий не напрасно. Виктор Васильевич действительно мог бы убить его или, по крайней мере, превратить в уродливого инвалида всего двумя-тремя ударами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.